

Мос. комсомолец, 1980,

27 мая, № 23

Н. П. Охлопков:

«Я МЕЧТАЮ, ЧТОБЫ НА ПЯТАЧКЕ СЦЕНЫ БУШЕВАЛИ УРАГАНЫ ПЛАНЕТЫ...»

ЗАЛ Театра им. Маяковского аплодировал и требовал Охлопкова... Это было за год до его смерти. Николая Павловича привели под руки за кулисы. Он стоял в черном костюме, слишком широком для похудевшего тела, и смотрел куда-то мимо нас, актеров, стоявших на сцене по окончании спектакля, хлопавших в ладоши и вызывавших режиссера...

Всего восемь-девять лет назад я впервые увидел легендарного режиссера на встрече со студентами театральных вузов в Доме актера. Зал был полон. Еще был Николай Охлопков — дерзкий, неугомонный, ищущий!.. Каждый спектакль — открытие! Со сцены сорван занавес, введено условное оформление, пугающее своей обнаженностью, юным актерам доверены центральные роли... И это в годы, когда Машу в «Трех сестрах» играли актрисы под 60, когда считалось, что ведущие роли следует поручать мастерам, а мастером можно стать после 20—30 лет работы в театре...

Охлопков запаздывал... Мы ерзали в креслах, шумели...

Вдруг послышалось: «Охлопков! Охлопков!» Зал затих... Он вышел из тыльных дверей зала, прошел к сцене между рядов мягкой, чуть подпрыгивающей походкой. Я увидел седой затылок с характерной складкой на шее, покатые плечи в пиджаке из серого букле. Николай Павлович обернулся. Лицо, знакомое по фильмам... Сощурил глаза, оглядел лица сидевших, улыбнулся... На нас пошли волны тепла и обаяния... «Я рад, что, наконец, встретился с вами. Мне радостно видеть в зале молодые лица... Вам принадлежит будущее!».

Говорил он сиплым, высоким голосом... Скрещенные пальцы держал прижатыми к груди...

«Какой театр мне близок? Театр, в котором бушуют страсти, в котором бьется глубокая мысль. Художник не может отделять себя от времени, от мира... Ему до всего есть дело... Я мечтаю, чтобы на пяточке сцены бушевали ураганы всей планеты! Но... ураганные страсти надо уметь играть. Сегодня модно говорить о сдержанной манере игры... Прекрасно. Сдерживайтесь. Но сдерживать надо разгоряченного скакуна, а не клячу, которая вот-вот сама рухнет на землю. Мы не имеем права собирать тысячу человек каждый вечер и показывать мелкие чувства! Поэтому «Молодая гвардия»! Поэтому «Гроза»! Поэтому «Гамлет»! Последнего я вынашивал больше десяти лет! До нас не брались за «Гамлета». Почему? Считали, что этот принц — слабый, хрупкий юноша, без конца ноющий, без конца размышляющий... Он не нужен в нашу эпоху. Я прочитал пьесу... Еще и еще! Ничего подобного! Кто, когда решил, что Гамлет хилый и немощный?! Разве способен вынести все, что обрушилось на его плечи, человек, от природы слабый? Наоборот. Он борец! Он бунтарь! Он мечется в тюрьме... Ведь Дания — тюрьма. Когда-то в эвакуации я сидел в комнатке перед печкой, пламя из которой освещало стену и дверь... На улице мороз, тьма... В мире война. И вдруг я всем существом

почувствовал, что такое — тюрьма! И, как молния, меня пронзила мысль: Гамлет заперт в тюрьме, он задыхается в ней. Он хочет вырваться. Из подвалов, из казематов. Он восстает против зла. Мирового зла! Против людей, привыкших к этому злу! Он хочет взорвать этот мир Эльсинора! Он вышел один на один с мировой несправедливостью!!!».

Охлопков говорил, и лицо его краснело. Глаза становились круглыми и остро-голубыми. Он подносил к лицу сложенные кисти рук с согнутыми пальцами и резко разбрасывал их в стороны. Особенно на любимых словах: «буря», «океан», «бунт»...

«Долгое время всюду насаждали МХАТ. Это неправильно. Это ужасно: куда ни придешь, всюду маленькие и плохие МХАТЫ. Как будто декорации и актеров перетаскивают с площадки на площадку... Я в своей практике стремлюсь соединить достижения Мейерхольда и Станиславского. Всеволод Эмильевич умел пластически решать спектакль. Выразительно. Точно. Жестко. Сейчас артист избалован. Режиссер суетится около него: «Иван Иванович, вам удобно? Нет? Может быть, эдак?». А тот только отмахивается: «Неудобно!». Если актерам дать свободу, то в спектакле о тайной вечере Иуда занял бы место Христа. Нет! Вы только вступайте в жизнь. Поймите сразу, режиссерский рисунок выражает спектакль в целом. Артист, и тут надо взять лучшее, что дала школа Станиславского, должен оправдать рисунок, правдиво существовать на сцене в нем. Вот к чему я стремлюсь, но чего и сам не всегда достигал!».

Охлопков говорил долго... Я слушал и понимал, что в режиссуре его эстетическая программа — только дела... Важно, как он ее воплощает на сцене... У Николая Павловича даже в рассказе я уже чувствовал ростки, которые предлагают уже способы осуществления, то есть «как» и «на каком уровне» придется существовать артисту в будущем спектакле.

Зал аплодировал и требовал Охлопкова. Он стоял за кулисами, пошатывающийся от слабости, глядя мимо людей... Но едва занавес раздвинулся и аплодировавших актеров залил яркий свет, я увидел, как в Николае Павловиче что-то встрепенулось, он выпрямился, резко отбросил поддерживавшие его руки и, широко улыбнувшись, вышел на публику. Он поклонился, осмотрел ярусы один за другим, еще раз поклонился, показал рукой на артистов, стоявших за его спиной, и пошел мелкими шагами к кулисам...

За кулисами он сник и оперся на чьи-то руки...

Этот всплеск артиста стоил огромного напряжения...

Я смотрел ему вслед, и сердце мое сжималось от боли... Почему время так беспощадно даже к своим любимцам?! Почему оно отнимает у людей творца?!

Это был последний выход Николая Павловича на сцену после спектакля «Гамлет».

В. КОМРАТОВ,
артист Театра
им. Маяковского.